

Не будем останавливаться на подробностях работы склада огнестрельных припасов, приведем лишь некоторые итоговые данные: ежедневно в складе работало 1 700 солдат и 850 вольнонаемных, ежедневно снаряжалось около 50—60 тысяч снарядов, ежедневно отправлялись местные парки с личным составом *. В течение 1915 г. было отправлено складом патронов к ручному оружию 370 754 358 и пушечных патронов 6 673 694. Работа канцелярии огнесклада в 1915 г.: входящих бумаг — 56 880, исходящих — 93 260. Вся эта работа выполнялась штатом мирного времени.

Доклад ген. Кутателадзе отмечал крайнюю и безусловную необходимость увеличения штатов обоих Петроградских складов **.

Из краткого описания работ Петроградских складов совершенно ясно выявляется их роль и значение в общегосударственном масштабе; между тем, они на основании ст.ст. 640, 644, 645 и 658 Положения о полевом управлении, с началом войны обратились в местные исполнительные органы главного начальника снабжений армий Северного фронта. По этому закону ГАУ не в праве было ими пользоваться и распоряжаться. Однако, логика жизни заставила как эти склады, так и Петроградское окарту продолжать выполнять распоряжения ГАУ впредь до издания Упартом в мае 1916 г. приказа штаверха за № 652 о подчинении их ГАУ.

Из доклада начальника артиллерии Кавказского военного округа от 19 января 1917 г. за № 2 выяснилось, что работа Тифлисского артиллерийского склада мало чем отличалась от работы артиллерийских складов, попавших в подчинение фронтовым органам артснабжения на основании Положения о полевом управлении 1914 г., а именно: «Состав Кавказской армии неуклонно увеличивался постоянным формированием новых войсковых частей, снабжение коих всеми видами артиллерийского довольствия в громадном количестве лежало, почти исключительно, на обязанности Тифлисского артсклада. В этом складе, как центральном для всего Кавказа, сосредоточивались почти все артиллерийские запасы для потребностей Кавказской армии. При существовавшем во время войны штате Тифлиссский артсклад был поставлен в весьма затруднительное, даже в безвыходное положение при выполнении вечно напряженной и всегда спешной работы по отпуску как вновь формируемым, так и состоящим на фронте частям войск артиллерийского имущества, возросшей по крайней мере в пять раз против мирного времени». Тифлиссский артсклад исполнял большую работу по приему неисправного имущества от войск, передаче его на исправление и обратному отпуску в армию, по рассортировке, учету и хранению поступающих в склад в большом количестве трофейных, конфискованных и реквизируемых предметов

* О том, что работа склада со снаряжением парков шла не совсем гладко, можно видеть из сношения Упарта дегенверху от 24 апреля 1916 г. № 509/309, где указывается на промахи и на необходимость стабилизировать личный состав склада. В.-И. А. Дело Упарта № 318, сверт. 821. Организация снабжения.

** В.-И. А. Дело Упарта. „Доклады“, связка 1 482, стр. 295.

и т. д. Переписка склада возросла также в пять раз против мирного времени.

Словом, все выводы, сделанные на основании материалов по Юго-западному фронту, остаются верными и для других фронтов, лишь получая подтверждение или, в частности, более подробное освещение некоторых вопросов. Мероприятия по устройству тыла действующих армий в артиллерийском отношении, проведенные Упартом в 1916 г., в значительной мере были направлены именно для устранения указанных выше недочетов.

ПОРЯДОК СНАБЖЕНИЯ.—ПОПОЛНЕНИЕ НЕГОДНОГО И УТРАЧЕННОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ИМУЩЕСТВА.—СНАБЖЕНИЕ НОВЫХ ФОРМИРОВАНИЙ.—ОБРАЗОВАНИЕ АРТЗАПАСОВ.

Раньше уже упоминалось, что согласно ст. 611 и 619 Положения о полевом управлении 1914 г. на начальника дивизии возлагалось наблюдение за соответственным обеспечением войск дивизии всеми видами довольствия, а на штаб дивизии ведение делопроизводства по этим вопросам. Именно начальнику дивизии было предоставлено право утверждения свидетельств на предметы казенного имущества и боевые патроны, утраченные или поврежденные во время военных действий. Таким образом, требования войсковых частей на необходимое им по тем или другим причинам имущество должны были, посвидетельствованные начдивом, направляться к инаркору, где согласно ст.ст. 584 и 588 того же Положения составлялись требования на предметы артснабжения, которые необходимо было доставить корпусу из средств общего тыла. Требования эти направлялись к нэхо. После проверки и сводки всех требований, они удовлетворялись эхо из средств, назначенных в распоряжение армии, в соответствии с общими указаниями начальника штаба армии в отношении очереди пополнения заявленных потребностей. Вместе с тем эхо должно было заблаговременно снестись с главнаснабом фронта о своевременной подаче недостающих запасов (ст.ст. 449, 450, 458 и 460 Положения). У главнаснаба фронта заявки эти поступали в управление начартснаба, на которого возлагалось своевременное истребование всех предметов артснабжения от ГАУ, распределение их между армиями и забота о своевременной доставке по назначению (ст.ст. от 292 до 298 Положения).

Неясные и недостаточно конкретизированные указания Положения повлекли издание приказов по фронтам, иногда значительно изменяющих только-что изложенный порядок. В приказе главнаснаба армий Юго-западного фронта от 20 мая 1915 г. за № 335 даны были для руководства следующие указания о порядке снабжения армий материальной частью артиллерии, пулеметным имуществом и ручным оружием *. Ровненский передовой артиллерийский запас и Киевский артил-

* Отчет генерала-инспект. артиллерии об артснабжении Юго-западного фронта. В.-И. А. Дело Упарта, связь 1430.

лерийский склад должны были действовать на основании Положения об артекладах (кн. XIII, С. В. П.), причем имущество названных учреждений должно было находиться в полном распоряжении начартснаба фронта. На счет казны в войсках разрешалось пополнять только те предметы артиллерийского довольствия, которые утратились или пришли в негодность от причин, не относящихся ни к чьей вине или упущению. Требования частей войск *, по тщательной их проверке, должны были доставляться в управление начартснаба армий фронта через зача армии или через нэхо штаба армии. К требованиям должны были быть приложены (если имелись) свидетельства об утрате предметов. По получении этих требований управление начартснаба фронта должно было немедленно сделать наряд на отпуск предметов из соответствующего склада и депешей известить зача из какого склада предметы будут высланы или куда за ними надлежит командировать приемщика. При требованиях, неоправданных установленными свидетельствами, предметы также немедленно отпускались войскам, но стоимость отпущенных предметов с укупоркой и пересылкой числилась в долгу за частью. По доставлении же свидетельства начет этот снимался с части. Сношения об экстренном отпуске предметов делались по телеграфу. Отправка значительных грузов производилась обязательно с сопровождающим солдатом.

Пополнение предметами арснабжения Ровненского передового запаса и Киевского артеклада должно было производиться по ходатайствам начартснаба распоряжением ГАУ из внутренних округов или путем изготовления предметов в частной промышленности Киевским окарту и передачи предметов из Киевского арсенала и мастерских.

Вот как оценивался этот порядок в отчете генерал-инспарта: «Указанный порядок снабжения, основанный на соблюдении установленных правил и формальностей, страдает тем главным недостатком, что вызывает громадную переписку, но он настолько налажен на Юго-западном фронте, что при существующем устройстве тыла армий Юго-западного фронта артиллерийское снабжение в общем проходит без особых затруднений. Обычно части войск получают требуемые ими предметы не позже, как через 2—3 недели после отправки требований. Задержки происходят в тех случаях, когда требуемых предметов не оказывается в запасах складов и их приходится заказывать или получать из внутренних округов распоряжением ГАУ, а также в тех случаях, когда части войск неожиданно передвигаются в другие армии или на другой фронт по стратегическим соображениям и высланное для них имущество иногда вовсе не находит тех, к кому оно отправлено. Бывают задержки вследствие несвоевременной выдачи войскам инспекторских свидетельств или неправильного составления войсковыми частями требований, которые приходится возвращать для пересоставления». Приводится пример: «Акт 22 мортирного паркового дивизиона, составленный 17 марта 1915 г., за-свидетельствован инаркором лишь 11 мая, требование отправлено

* Требования и свидетельства составляются войсками в 3 экземплярах.

8 июня зачу, от которого ушло 11 и поступило 27 июня к начартснабу, 28 июня сделано распоряжение об отпуске предметов». К сожалению, нет указаний, когда же парк получил предметы, но во всяком случае почти через 4 месяца после того, как потребовал. Поэтому нельзя присоединиться к слишком снисходительной оценке этой системы, как обеспечивающей снабжение «без особых затруднений». Но нужно отметить, что даже эта система значительно упрощала порядок, установленный Положением 1914 г.

Тот же отчет констатирует, что работу управления начартснаба, Киевского окарту, передового запаса и Киевского артсклада сильно затрудняло несоблюдение войсками указаний, изложенных в упомянутом приказе за № 335 главначснаба Юго-западного фронта. Несмотря на эти указания, части войск продолжали обращаться с требованиями об отпуске артимущества непосредственно в передовой запас или в Киевский склад, минуя зачей, причем высылали своих приемщиков. Между тем, названные учреждения не имели права отпускать предметы без распоряжения начартснаба, вследствие чего возникали излишняя переписка и задержка в отпуске. Случалось и так, что приемщик от части прибывал в тот склад, где нужных предметов не было; тогда эти предметы заказывались вновь, или требовались из другого склада, или приемщик отправлялся в другой склад. Бывали случаи возврата частями предметов, истребованных ими установленным порядком, ввиду получения их вторично приемщиками, высланными от частей непосредственно в склад. Иногда являлись на Юго-западный фронт приемщики от войсковых частей даже Северо-западного фронта. Наконец, нередко части войск посылали приобретать для них за деньги в частной промышленности такие предметы, как подковы, гвозди, смазочные материалы и проч., которые имелись в передовом запасе и могли бы быть им отпущены.

Все это указывало на недостаточную осведомленность войск с порядком снабжения и отчасти на некоторую нераспорядительность лиц и учреждений, ведающих снабжением, «не идущих в полной мере навстречу нуждам войск». С другой стороны, свидетельствовало, что вся эта громоздкая система, установленная на Юго-западном фронте, ни в коем случае не могла удовлетворить срочной потребности войсковых частей, — раз дело доходило до того, что части предпочитали, для избежания волокитной переписки, тратить даже свои деньги на покупку предметов, имевшихся в складах. При исследовании работы артскладов, передовых запасов, окарту и проч., достаточно были выявлены те нечеловеческие усилия, которые проявлял их состав, чтобы выполнить свой долг, а потому обвинять их в нежелании идти навстречу нуждам войск следовало с большой осторожностью.

Помимо системы на снабжение войсковых частей всем им необходимым тяжелым гнетом ложились те обширные формирования, которые были предприняты на фронтах как по распоряжениям главковерха, так и распоряжением самых фронтов. К июлю 1915 г. на Юго-западном фронте было произведено снабжение материальной частью вновь сфор-

мированных 46 разных батарей и 21 парка, не считая управлений бригад и дивизионов. Кроме того, формировался тяжелый дивизион из 4 батарей и предполагено было формирование 12 батарей, 4 парков и т. д. Начальник штаба Юго-западного фронта заявил генерал-инспарту, что нужно сформировать еще 48 батарей. Отчет генерал-инспарта по этому поводу указывает, что подобные формирования за счет запасов артиллерийского имущества на фронте «совершенно расстраивали эти запасы в ущерб пополнения артиллерийского имущества в существующих войсковых частях». Отчет рекомендовал «весьма осторожно относиться к вопросу новых формирований... и во всяком случае не допускать их без предварительного утверждения Штаба главковерха. По мнению генерал-инспарта, «правильнее было бы формирование новых войсковых частей производить не на театре военных действий, а во внутренних округах империи за счет запасов, находящихся в ведении ГАУ».

«Во всяком случае, если предлагаемая мера неосуществима и новые формирования будут продолжаться в районах действующих армий», — говорилось в отчете, то «необходимо установить, чтобы в тыловых складах армий не накапливались особые запасы в предвидении потребности новых формирований и чтобы для них отпускалось артимущество распоряжением ГАУ, но при обязательном условии, чтобы требования фронтов об отпуске имущества для указанной надобности поступали в ГАУ со ссылкой на утверждение нового формирования Штабом главковерха».

В результате отсутствия со стороны Штаба главковерха общего руководства и планирования в боевом снабжении в масштабе всех действующих армий, со стороны отдельных фронтов, особенно Юго-западного *, проявилось стремление к накоплению тыловых артиллерийских запасов фронта.

На Юго-западном фронте ** накопление запасов производилось, главным образом, в предвидении потребностей для новых формирований и для пополнения утраченного имущества, а так как предусмотреть размер этих потребностей было нельзя, то и желание накопить возможно больше запасов не имело границ.

Правильного учета артиллерийского имущества, состоящего в тыловых запасах Юго-западного фронта, не велось. В Киевском артскладе распоряжением начартснаба было выделено и продолжало выделяться артимущество на особый учет для предположенных к формированию новых артиллерийских частей. Как это имущество, так и переданное на исправление в Киевский арсенал и в починочные мастерские ускользало от учета, а потому не могло быть использовано своевременно там, где в нем встречалась острая неотложная надобность и подчас не на Юго-западном, а на другом фронте.

* При главкоме генерал-адъютанте Иванове и начартснабе Юго-западного фронта ген. Голицыне, отличавшихся особой „хозяйственной жилкой“ скопидомства, пришедшей бывшим старым командирам батарей.

** „Отчет генерал-инспектора артиллерии об артснабжении Юго-западного фронта“. В.-И. А. дело Упарта, связка 1430.

По официальным сведениям начартснаба Юго-западного фронта в Киевском артскладе к 18 июля 1915 г. должно было состоять 69 полевых пушек обр. 1902 г., в действительности же к 27 того же июля их там оказалось 114 годных и 187 требующих исправления, всего 301. Если же добавить 99 пушек, находившихся в то время на исправлении в Киевском арсенале и починочных мастерских (частью приведенных в порядок), и 14 пушек, имевшихся в Ровненском передовом запасе, то общее количество пушек 1902 г., состоявших в тыловых запасах Юго-западного фронта, выражалось цифрой 414, из коих около 200 годных, из остальных же большая часть могла быть исправлена. Разница в цифрах получалась по отношению и к другим предметам артиллерийского имущества Киевского артсклада.

В Киевском складе и особенно в Ровненском передовом артиллерийском запасе обнаружено было излишнее накопление некоторых предметов принадлежности к орудиям, запасных частей, конской аммуниции, подков, смазочных материалов и проч., тогда как в них встречалась надобность на Северо-западном фронте и для новых формирований во внутренних округах империи. Например, Ровненский передовой запас (рапорты его начальника 17 июля 1915 г. за №№ 15046 и 15065) был обеспечен подковами на год, тупыми шитами к ним на 18 месяцев, а гвоздями на 41 месяц.

Между тем, из накопившихся в передовом запасе материалов и запасных частей некоторые предметы вовсе не требовались к отпуску войскам или отпускались в малом количестве, тогда как большинство из них могло бы быть использовано арсеналами и починочными мастерскими или другими складами. Поэтому начальник передового запаса сам просил о передаче части состоящего в запасе имущества в другие артиллерийские склады или учреждения.

В отчете ген. Кутателадзе об осмотре Петроградских складов также отмечалось накопление запасных частей к материальной части артиллерии ненужных войскам, так как изготовление этих запасных частей велось по табелям мирного времени *.

Помимо изложенного, одной из причин происходившего нежелательного накопления запасов являлось отсутствие определенных норм содержания артиллерийского имущества в запасах фронта. Только для запаса главнейших предметов, как-то: орудия, лафеты, передки, зарядные ящики была принята Военным советом норма 15% наличия (см. том I). Для принадлежности же и запасных частей норм содержания установлено не было. Вследствие этого ГАУ не могло даже определить общую потребность.

Последующими другими причинами являлись:

1. Невозможность предвидения утрат материальной части в боях, вследствие чего, как отмечалось в отчете генерал-инспарта: «нет возможности образовать заблаговременно особый тыловой запас артиллерийского имущества, который служил бы для пополнения утраченного».

По этому поводу необходимо указать, что, помимо норм содержания

* В.-И. А. Дело Упарта. „Доклады“, связка 1 482, лист 295.

артимущества во фронтовых складах и запасах, таковые должны были быть разработаны и для запасов самого ГАУ в складах внутренних округов, причем эти нормы, конечно, должны были предусматривать лишь предметы, действительно необходимые для снабжения войск в военное время. Тогда не пришлось бы для пополнения расхода как принадлежности, так и материальной части заказывать имущество по единственному ориентировочным данным, бывшим в распоряжении ГАУ — табелям мирного времени (см. том I) *.

2. Неопределенность организационных форм и введение новых штатов без одновременного объявления соответствующих табелей вооружения, что также в значительной степени объяснялось отсутствием в Штабе главковерха соответствующего артиллерийского органа. Примеры, приводимые в отчете генерал-инспарта по Юго-западному фронту по этому вопросу с точки зрения правильной постановки дела снабжения, прямо потрясающи: «За отсутствием утвержденных табелей вооружения по новой организации пехотные полки крайне разнообразно считают положенное на полк количество 3-лин. винтовок: 2 640, 2 666, 2 948, 2 960, 2 904, 3 200 и т. д. В одном XXX корпусе дивизии считают разное положенное число винтовок: 2-я стрелковая — 10 664, 71-я пехотная — 13 642 и 80-я пехотная — 14 311. Главнокомандующий армиями Юго-западного фронта признает необходимым иметь на пехотный полк 3 000 винтовок, не считая карабинов». Не лучше обстояло дело в артиллерийских частях: «Состав артиллерийских парков не был изменен соответственно новым штатам; одни пехотные дивизии имели 3 парка, другие — 2 парка, есть части, вовсе не обеспеченные парками; число зарядных ящиков и патронных двуколок в парках оказалось разное. Некоторые части артиллерии вовсе не имели утвержденных штатов **. Некоторые горные батареи содержатся в 6-орудийном составе, хотя штат их пока не изменялся и они должны оставаться 8-орудийными. В 3-м Донском казачьем артдивизионе 4-орудийные батареи, в прочих конно-артиллерийских дивизионах — 6-орудийные» и т. д. и т. п.

«Столь же разнообразны расчеты положенного на полк числа патронов, а также боевых комплектов винтовочных и пушечных патронов, положенных в легких парках».

Как можно было при таких порядках определять общую потребность в артиллерийском имуществе? И это происходило в то время, когда совершенно ясна была большая нехватка в питании боевыми припасами и винтовками и когда каждый патрон и винтовка должны были быть

* О необходимости иметь нормы (табели) запасных частей, подлежащих содержанию в подвижных починочных мастерских, в 1911 г. состоялся журнал артиллерийского комитета № 426. Для передовых запасов имелись лишь нормы орудий в целых системах.

** Интересно отметить, что в представлении ГУГШ'а в Военный совет от 21 декабря 1914 г. за № 5338 о штатах артиллерийских частей для восстанавливаемых XIII и XV армейских корпусов констатируется, что 6-орудийный штат для батарей, вооруженных 3" пушками, уже „явочным порядком“ принят в действующей армии (В.-И. А. Дело Штаба верховного главнокомандующего № 286, лист 391).

на строгом учете, а система разумно и тщательно проработанных резервов могла спасти положение, давая питание там, где разрешались главнейшие стратегические задачи.

Для полной картины порядка снабжения на Юго-западном фронте интересно привести еще одно привходящее положение, отмеченное отчетом генерал-инспарта: «На Юго-западном фронте обнаружился не совсем правильный учет винтовок у заведывающих артиллерийской частью армий вследствие того, что винтовки состоят в ведении не только у них, но и у дежурных генералов».

Посмотрим же, что получилось в этих условиях в деле правильного снабжения винтовками, пулеметами и материальной частью артиллерии. Кое-какие данные дает тот же отчет генерал-инспарта. В нем приводится примерный баланс винтовок на Юго-западном фронте, из которого видно, что если учесть винтовки 3-лин., австрийские, японские и Бердана, то общая недостача винтовок 93 000, исчисленная по соображениям самих войск, покрывалась почти вдвое наличным запасом (195 000). Почему недочет не был покрыт, отчет не упоминает; приводятся лишь следующие соображения по проведению самой системы вооружения винтовками при наличии нескольких образцов: «Следовало бы наши 3-лин. винтовки сосредоточить исключительно в действующей пехоте Юго-западных армий, что уже отчасти и выполнено, вооружив части артиллерии, инженерные войска и все тыловые войска и учреждения австрийскими винтовками и берданками. В XXXII корпусе (9-й армии) две пехотных дивизии, 101-я и 103-я, вооружены австрийскими винтовками, а 102-я—японскими. В XVIII корпусе (11-й армии) одна 105-я дивизия вооружена японскими винтовками, остальные две, 23-я и 27-я, нашими 3-лин. винтовками; кроме того, в 11-й армии японскими винтовками вооружены два конных пограничных полка. Смешение в одном корпусе частей, имеющих разные винтовки, неудобно в смысле снабжения вообще и питания патронами в особенности, а потому было бы целесообразно вооружать целые корпуса или одними австрийскими или одними японскими винтовками, а по возможности даже в одной и той же армии не иметь на вооружении винтовки разных систем. Все это в полной мере относится и к пулеметам, ныне перемешанным даже в полках,—наши пулеметы и австрийские состоят во многих полках».

Кроме перемешивания образцов пулеметов в полках, отчет обращает внимание на то, что «в некоторых полках Юго-западного фронта имеется более 8 положенных 3-лин. пулеметов, тогда как в других полках, иногда той же дивизии 3-лин. пулеметов нехватает или даже вовсе нет».

В отношении снабжения материальной частью артиллерии отчет указывает, что к 22 июля 1915 г. «против положенного в войсках не оказалось всего 126 разных орудий или около 8%»...

Недостатки объяснялись неполучением орудий для перевооружения некоторых горных батарей образцов 1909 г. и для пополнения утраченных в боях, а главным образом неполучением орудий на замену поврежденных, отправленных для починки в тыл. Недостатки эти могли быть

пополнены (за исключением 6-дм. гаубиц — 10 и 120-мм пушек Виккерса — 8) из тыловых запасов Юго-западного фронта (см. выше).

Материальная часть полевой артиллерии по общим отзывам, полученным при объезде Юго-западного фронта генерал-инспектором, хорошо выполнила свое боевое испытание в отношении прочности и баллистических свойств, но замечался недостаточный уход за ней во многих частях артиллерии. Приказами армиям Юго-западного фронта 1914 г. № 228, 1915 г. №№ 149, 358 и 536 отмечалась небрежность в обращении с материальной частью и предписывалось усилить надзор за нею.

Отчет подчеркивает значительный износ каналов 76-мм и 107-мм пушек и 122-мм гаубиц и необходимость безотлагательно передать орудия, сданные батареями по этой причине, на пушечные заводы для исправления.

Конская аммуниция изнашивалась, поступало довольно много требований об ее отпуске войскам. Артиллерийские части жаловались, что хомуты и шлеи тяжелы и что, несмотря на все принимаемые меры, набивки лошадей постоянны. Желательны были мягкие на войлоке шлейки; в выносах шлеи были не нужны. Сказалась нужда в шорных мастерских при армиях.

«В подковном запасе войска постоянно нуждаются, — говорилось в отчете, — а он состоит на Юго-западном фронте в избытке. Необходимо отпускать в части подковы по действительному составу лошадей, а не по установленной норме размера подков» (по установленной норме подковы были в общем велики).

Во многих частях артиллерии ощущался большой недостаток телефонного имущества, в особенности телефонного кабеля. Между тем, в запасах Юго-западного фронта телефоны были. Желательны были починочные телефонные мастерские, например, при армейских или корпусных оружейных мастерских.

Среди пожеланий войск были, между прочим, свидетельствующие о недочетах табелей и норм, как-то: увеличить в батареях число запасных колес системы Охрименко, пружин накатника, дышловых буферов и некоторых других запасных частей; увеличить количество смазочных материалов и подковного запаса и т. д.

Ввиду неправильности данных, показываемых в официальных донесениях о состоянии артснабжения и обнаруженного накопления излишних артиллерийских запасов на Юго-западном фронте, генерал-инспектор рекомендовал осмотрительно относиться к просьбам начартснаба о пополнении артиллерийских запасов фронта. Предварительно исполнение этих просьб следовало проверять потребность в просимых предметах.

По отношению к некоторым предметам, как, например, к легким пушкам обр. 1902 г., просьба начартснаба являлась преувеличенной, и, напротив, многие предметы артиллерийского довольствия, если принять к учету имущество, хранившееся в Киевском артскладе на особом счету для предполагаемых новых формирований, имелись в запасах Юго-за-

падного фронта в избытке и могли бы быть использованы на Северо-западном фронте и для других надобностей.

В отчете-генерал-инспекта имеются еще указания по поводу снабжения Юго-западного фронта огнеприпасами, о чем говорится в особой главе ниже, а также о сборе оружия на полях сражений. Согласно Положению о полевом управлении, сбор оружия лежал на обязанности инаркоров, но они не имели к тому никаких средств, определенных законом. Поэтому сбор оружия в 1914—1915 гг. на Юго-западном фронте всецело зависел от усмотрения командиров корпусов, а вообще в действующей армии организация сбора оружия носила случайный характер и не могла считаться сколько-нибудь прочной. Дело было планомерно организовано Упартом в 1916 г., о чем подробно изложено в приложении 15.

В заключении отчета ген.-инспектора артиллерии по вопросу о порядке снабжения на Юго-западном фронте обращается внимание на следующие недостатки и рекомендуются меры к упорядочению дела.

Артиллерийское снабжение армий Юго-западного фронта при существовавшей организации и устройстве тыла происходило в общем без особых затруднений. Войскам давали почти все, что они сами просили и что имелось в артиллерийских запасах, но стремления идти навстречу нуждам войск и подавать им все необходимое, не ожидая от них требований, не было заметно со стороны высших учреждений, ведающих артиллерийским снабжением Юго-западного фронта.

Начальник артиллерийских снабжений фронта получал сводку сведений о ходе военных действий. Но в дальнейших предположениях штаба главнокомандующего по части оперативной он бывал не осведомлен и потому не мог вполне согласовать свою деятельность с боевою деятельностью обслуживаемых им армий.

Сведения о степени обеспечения войск по части артиллерийской, необходимые для разработки соображений оперативного характера, имевшиеся в учреждениях, ведающих артиллерийское снабжение, оказались недостаточно полными и верными.

Правильное использование в бою артиллерии в техническом отношении, подготовка личного состава артиллерийских пополнений, формирование и подготовка новых артиллерийских частей, технический надзор за оружием и материальной частью, планомерность в артиллерийском снабжении армии — все это оставалось без надлежащего объединяющего руководства.

Для упорядочения артиллерийского снабжения наших армий, по мнению ген.-инспектора артиллерии, необходимо было:

1. Иметь при Штабе главноверха артиллеристов, которые ведали бы общие вопросы по вооружению и артиллерийскому снабжению армий, а также по боевому применению артиллерии.

Расширить права и обязанности начальника артиллерийских снабжений армий фронта, заведывающего артиллерийской частью в армиях и инспектора артиллерии в корпусах.

Усилить штатный состав учреждений, ведающих артиллерийское снабжение, согласно изложенному в его отчете. Устранить при этом несоответствующее применение в тыловых учреждениях строевого офицерского состава.

Установить определенные взаимные отношения и служебное положение лиц, распоряжающихся артиллерийским снабжением.

2. Установить прочную организацию и штаты для всех войсковых частей, соответственно составить и утвердить расчеты оружия, материальной части и боевых комплектов в войсках.

Не допускать смешения вооружения нашими и австрийскими винтовками войсковых частей в одном корпусе и, по возможности, в одной армии.

3. Определить норму артиллерийских запасов, подлежащих содержанию в тылу того или иного фронта армий для пополнения убыли артиллерийского имущества, пришедшего в негодность.

Распределить имеющиеся артиллерийские запасы между фронтами армий пропорционально количеству войск и руководствуясь нормой запасов, которая должна быть установлена. Затем регулировать требования фронтов армий соответственно действительным их потребностям и задачам, какие им ставятся.

4. Не допускать новых формирований артиллерийских частей без предварительного утверждения главковерха. Производить новые формирования не на театре военных действий, установить специальный надзор за формированиями.

5. Организовать штатные армейские и корпусные оружейные мастерские.

Установить прочную штатную организацию сбора оружия и патронов.

Установить более тесную и близкую связь подвижных починочных мастерских с армиями.

6. Упростить отчетность и сократить излишние формальности в деле артиллерийского снабжения, вызывающие громадную переписку и тормозящие дело.

Как проходило снабжение на Северо-западном фронте, можно видеть из приказа главнокомандующего Северо-западным фронтом № 1241 от 15 мая 1915 г. Приводим его в выдержках:

«Замечено:

1. Что войска требуют от управления начартснаба фронта предметы на пополнение утраченных и пришедших в негодность, не стесняясь с действительной в них потребностью данного времени, хотя могли бы совершенно свободно обходиться без них до окончания войны или заготовить их своим распоряжением. Как, например: древков составных с черными флагами, войлока пояркового, молотков коновязных, подсалков, сваек для сращивания канатов и т. д. Между тем, изготовление таких предметов в мастерских и складах фронта идет в ущерб снабже-

нию войск настоятельно необходимыми предметами, имеющими боевое значение.

2. Что в ГАУ нередко поступают заявления частей или командированных по разным случаям приемщиков о неполучении предметов более или менее продолжительное время по представленным требованиям; между тем, по проверке оказывается, что заявления эти являются необоснованными и требования на них в управление начартснаба фронта не поступали или только что посланы и нужно полагать задерживаются в промежуточных инстанциях.

Предписываю:

1. Требовать только то, что действительно необходимо, без чего часть не может обойтись, памятуя, что пополнять положенным по табелям будем в мирное время и т. д.

2. В главные управления ни с какими требованиями не обращаться.

3. В целях ускорения отпуска предметов на замену негодных или на пополнение утраченных частей войск следует направлять требования непосредственно в управление начартснаба фронта в 3 экземплярах; акты же и свидетельства направлять обычным путем по команде через эхо, с тем, что в требованиях должны быть указаны №№ актов, на основании которых они составлены; при представлении же по команде актов в эхо должны указываться №№ требований и время представления их и т. д.» *

Несомненно, что установленный этим приказом порядок являлся значительным достижением по сравнению с правилами Юго-западного фронта, так как для прохождения требования сокращалось целых три инстанции (дивизия, корпус, армия); в то же время направление актов и свидетельств по команде давало возможность и последующего контроля. Интересно указание на путешествия ходяков от строевых частей в ГАУ; видимо, до издания этого приказа на Северо-западном фронте царил та же волокитная система, что и на Юго-западном, и принуждала части, не ожидая получения необходимого имущества в установленном порядке, изыскивать его своими средствами и силами. К сожалению, мы не имеем исчерпывающих документов, характеризующих состояние артиллерийского снабжения на Северо-западном фронте, так как всесторонних обследований, в роде произведенного на Юго-западном фронте генерал-инспектором артиллерии в 1915 г., по отношению к Северо-западному фронту не было. По рапорту начальника Минского окарту от 3 февраля 1916 г. за № 30 можно судить, что экономическая сторона дела и на Северо-западном фронте сильно хромала: «Я уже неоднократно доносил вам, что некоторые требования войск являются преувеличенными и что в расходовании смазочных материалов не наблюдается достаточной экономии» и т. д.

В заключение этого рапорта предлагаются следующие мероприятия:

а) в отношении конской аммуниции части ее, пришедшие в негодность, сдавать в склады; б) уменьшить нормы инструмента, жестянок, безме-

* В.-И. А. Дело Упарта „Доклады“, связка № 1482, лист 503.

нов и т. п.; в) пехоте предложить требовать принадлежность к винтовкам в минимальном количестве; г) принять меры к сокращению расхода смазочных материалов; д) установить внезапный контроль по браковке предметов и т. д. *.

Не лучше обстояло дело и с уходом за материальной частью; так, в приказе главкома Северо-западного фронта от 23 февраля 1915 г. за № 689 указывалось, что при исправлении орудий тяжелой артиллерии замечено: а) неисправности, главным образом, заключаются в повреждении салазок и люлек, вследствие стрельбы при недостаточном давлении в накатнике; б) сильно заржавлены замки и каналы; в) мало внимания обращают на начальные незначительные неисправности орудия и т. д. **.

Артснабжение Северного фронта образовалось лишь к осени 1915 г., позаимствовав порядки артснабжения от бывш. Северо-западного фронта.

До сих пор мы говорили преимущественно о том порядке артснабжения, который практиковали на фронтах, теперь кратко остановимся на существовавшем в 1914—1915 гг. порядке снабжения артимуществом самих фронтов.

Как уже упоминалось, Положение о полевом управлении 1914 г. предусматривало истребование необходимого фронту артимущества от ГАУ распоряжением начартснабов фронтов.

Совершенно естественно, что при таком порядке при первых же намеках на возможную недостачу в том или другом артимуществе, начартснабы, особенно наиболее хозяйственные, как на Юго-западном фронте, стремились запасть именно этим имуществом. Это иногда создавало голод там, где менее предусмотрительные или более сознательные начальники не стремились обеспечить во что бы то ни стало и на больший срок только себя.

Вскоре после начала войны обозначилась ошибочность в расчетах ГУГШ по срокам подачи парков с бовыми припасами; наступила явная опасность снарядного голода; тогда распределение парков между фронтами принужден был взять на себя Штаб главноверха, в лице дежурного генерала. Следующими по недостатке предметами артдовольствия оказались винтовки и пулеметы, и их взялся распределять Штаб — тот же деженверх. Через 2 месяца после начала войны понадобилась осадная артиллерия самых крупных калибров — снабжение и заботы о ней берет на себя тоже Штаб главноверха, но только в лице генерал-квартирмейстера. Остальные предметы артснабжения распределяло ГАУ, как могло, по собственному своему разумению. Генерал Кутателадзе при осмотре Петроградского артиллерийского склада в январе 1916 г. натолкнулся на следующий любопытный схематический порядок рассылки ряда предметов, производившийся на основании указаний ГАУ:

* В.-И. А. Дело Упарта. „Доклады“, сверг. № 1482, лист 510.

** Там же. Дело Упарта „Сбор оружия“, сверг. № 1402.

Наименование имущества	В какой пропорции высылать			Основание
	Сев. фр.	Зап. фр.	Юго- зап. фр.	
3" пушки	1/3	2/3	0	Пред. ГАУ 5/X 1915 г. № 6003
Стереотрубы	1/4	1/2	1/4	Пред. ГАУ 13/X 1915 г. № 10097
Бомбометы	1/4	1/2	1/4	Пред. ГАУ 14/IX 1915 г. № 86424
Подковы	1/3	2/3	0	Пред. ГАУ 20/X 1915 г. № 103070
Пулеметное имущество . . .	1/4	3/4	0	Пред. ГАУ 15/XI 1915 г. № 115180
Штыки	0	1/2	1/2	Пред. ГАУ 11/IV 1915 г. № 2756
Полосья	1/4	1/2	1/4	Пред. ГАУ 19/XII 1915 г. № 133122

Так как большинство распоряжений сделано было ГАУ после поездки ген.-инспектора артиллерии на Юго-западный фронт, то видимо данные его отчета повлияли на назначение этому фронту меньшего количества имущества. До установления распределения по отчету генерал-инспарта видно, что винтовки и пулеметы высылались в запасы Юго-западного фронта по указанию штаба главковерха в размере $\frac{1}{3}$ всего изготовленного заводами количества. В другом месте в том же отчете генерал-инспарта указывалось, что ГАУ высылало револьверы, пики, кинжалы, штыки беспрепятственно, по требованию армий, так как количество изготавливаемых этих предметов отвечало потребности; причем высылка производилась в равных количествах всего изготовленного на оба фронта — Юго-западный и Северо-западный, что представлялось недостаточно целесообразным.

Вообще же по поводу такой упрощенной системы распределения всего заготавливаемого имущества необходимо сказать, что, главным образом, именно она явилась тем фактором, при котором образовалась неравномерность запасов, отмечаемая отчетом генерал-инспарта на Юго-западном фронте. Кроме того при этой системе, не предусматривающей образования запасов в распоряжении снабжающего центра, конечно, всякие потери имущества в результате боевых операций переживались чересчур тяжело.

Нужно отметить, что управление дегенверха долгое время не имело никаких планов в вопросах снабжения артимуществом. Ярким примером в этой области являлось снабжение винтовками. До ознакомления с отчетом генерал-инспарта, дегенверх 3-лин. винтовки распределял путем заблаговременного назначения фронтам известной части продукции заводов, а получаемые из заграницы японские винтовки бросал туда, откуда больший шел вопль о недостатке. В результате японские винтовки к осени 1915 г. оказались вкрапленными решительно во все фронты и армии. Равным образом, было поступлено с массой австрийских винто-

вок, в больших количествах захваченных действующей армией со времени еще Галицийского сражения. Трудно себе представить, во что превращался при такой мешанине вопрос снабжения винтовочными патронами.

Лишь 14 ноября 1915 г. управление дегенверха в сношении на имя ГУГШ за № 2 212, наметило следующую программу по доведению вооружения частей действующей армии до штатного состава:

«1. Все воинские части подразделяются на 3 категории: к первой относятся части, принимающие участие непосредственно в боевых действиях, ко второй — части тыловые на театре военных действий и, наконец, к третьей категории относятся части, находящиеся внутри империи.

2. Части первой категории вооружаются исключительно 3-лин., японскими и австрийскими винтовками, части второй категории — винтовками Гра и Гра-Кропачек, и, наконец, части третьей категории — винтовками Ветгерли, Бердана, германскими и оставшимися Гра.

3. Распределение винтовок по фронтам в отношении первой категории решено следующим образом:

Северный фронт постепенно, в зависимости от снабжения патронами, переходит на японскую винтовку, с немедленным снятием австрийских и берданок (кроме запасных батальонов, где кроме указанных винтовок должны быть оставлены 3-линейные винтовки по расчету 20 винтовок на роту). Все освобождающиеся 3-линейные винтовки передаются в части первой категории в пределах своего фронта. В первую голову намечено перевооружение одной из армий.

Западный фронт вооружается только 3-линейными винтовками.

Юго-западный фронт вооружается нашими 3-лин. и австрийскими.

Выполнение намеченной программы предполагается произвести в течение ноября—декабря месяцев сего (1915) г., дабы использовать некоторое ослабление боевой деятельности, замечаемое теперь».

Далее следовали указания о порядке направления винтовок на фронт *.

Этот документ рисует картину, из которой видно, в какие дебри было заведено дело снабжения винтовками в первые полтора года войны, потребовалось, конечно, не два месяца для ликвидации безобразия, допущенного в этом вопросе. Не касаясь распоряжений дегенверха о порядке снабжения боеприпасами (этому вопросу посвящается отдельная глава), посмотрим лишь, как подвизалось на поприще арснабжения управление генкварверха. Выше уже приводилась знаменитая телеграмма генкварверха ген. Ю. Данилова с требованием от Главного артиллерийского полигона одной зенитной пушки. Приблизительно также началось и дело о снабжении действующей армии осадной и крепостной артиллерией. Первоначально Ставка предполагала поручить это дело главнокомандующим армиями фронтов. В конце же августа

* В.-И. А. Дело Упарта. „Доклады“, сверт. № 1482.

1914 г. посылается начальнику хозяйственно-заготовительного отдела ГАУ генералу Смысловскому следующая телеграмма: «Благоволите исходатайствовать отправку Гродну имеющихся артиллерийском полигоне 11-дм. осадных мортир, но непременно с обученными командами. № 3542. Янушкевич». 5 и 22 сентября просьба повторяется, и, наконец, 23 сентября Штаб главноверха телеграфирует начальнику ГУГШ ген. Беляеву, чтобы ввиду задержки с высылкой 11-дм. осадных мортир (это были 11-дм. гаубицы системы Шнейдера, образца 1910 г., перевозящиеся на четырех повозках лошадьми; они ожидались из Франции), выслали две 11-дм. береговых мортиры. Попутно, в этой же телеграмме упоминалось о желательности формирования 1—2 осадных полков в Кронштадте. Весьма характерна эта легкомысленная замена 11" подвижных осадных гаубиц новейшего типа старыми 11" мортирами обр. 1877 г., перевозимыми только по железной дороге (вес системы в боевом положении около 1 600 пудов). Не менее характерна легкость пожелания 1—2 осадных полков. Какое-то полное отсутствие представления о предметах, которыми берутся распоряжаться.

Интересный отклик по поводу этих распоряжений имеется в письме ген. Смысловского к ген. Данилову, из которого приводим выдержку: «Многоуважаемый Юрий Никифорович. То, чего я так опасался—именно и случилось: потребовали телеграммой 11-дм. гаубицы, не давши предварительного заблаговременного разрешения использовать личный состав Кронштадта для составления батареи. Пришлось все делать наскоро. Поехала к вам не воинская часть, а орудия с людьми. Если есть хоть малейшая возможность, дайте им проделать перед вступлением в действие ученье при орудиях, а главное, «пешее по конному». Имейте в виду, что для движения и питания посланные силы совершенно недостаточны. Личный состав необходимо увеличить местными средствами, а о подвижном составе я уже и не говорю. Гр. Баранцев привезет подробные расчеты. С дальнейшими формированиями осадных средств из Кронштадтских сил снова повторяется та же история. Н. Н. Янушкевич в той телеграмме к Беляеву, где дважды упоминается моя фамилия, спрашивает: в каком положении находится формирование 1—2 полков. Получите ответ: ни в каком, ибо до сего времени никто не дал права снимать в Кронштадте орудия с вооружения, приспособливать их на временные основания, а главное — начать обучать этому людей, взявши их из тех многочисленных мест Кронштадта, по которым они в настоящее время разбросаны. Пока не дадите разрешения взять пушки и людей, полки формироваться не будут» *.

29 сентября две гаубицы со сборной командой от Главного артиллерийского полигона и крепости Кронштадт были отправлены на фронт.

30 сентября Ставка телеграфирует начальнику штаба Северо-западного фронта ген. Орановскому, что 11-дм. орудия предназначены для взятия Летцена, а «если не понадобятся, то для Новогоргиевска». Опять шедевр — полевые скорострельные 11-дм. гаубицы,

* В.-И. А. Дело Штаба верховного главнокомандующего № 714, лист 227.

с большим трудом привезенные из Франции через Архангельск, всего в двух экземплярах, предназначенные для разрушения крупных фортификационных сооружений, с легкой руки генкварверха предполагают назначить в крепость. Впрочем, ген. Орановский успокоил Ставку, телеграфируя ей 1 октября 1914 г. № 2 223: ...«взвод 11" гаубиц главнокомандующий приказал задержать в Гродно до выяснения, где понадобится».

Раз начавшиеся заботы о крепостной и осадной артиллерии уже не оставляли генкварверха. 28 сентября 1914 г. № 4 733 им выдвигается новое задание против 42-сантиметровых немецких орудий, которые после падения Антверпена «могут появиться на нашем фронте». Требуется дать крепостям Ковно, Гродно и Новогеоргиевску 10" береговые орудия. Увы, впоследствии эти орудия, уже установленные в крепостях, не помогли им удержаться против неприятеля, не считавшего даже нужным тратить по ним 42-сантиметровые снаряды. Между прочим, в крепости Гродно после августовского наступления немцев в 1915 г., пришлось производить расследование, почему расстреляны 10" и 6" снаряды для пушек Канэ; причем оказалось, что эти снарядыгодились для стрельбы по наблюдательным пунктам и пулемету, установленным на колокольне, фольварке или мельнице. При этом по общему заверению всех старших начальников «стрельба дала прекрасные результаты» *. Приведем еще один пример снабженческой работы генкварверха: По требованию адмирала Эбергарда от 31 октября 1914 г., в Батум были посланы две 10-дм. пушки. Когда орудия были отправлены, Эбергард совместно с главнокомандующим на Кавказе гр. Воронцовым-Дашковым возбудили вопрос от 8 декабря 1914 г. о том, что хорошо бы добавить еще две таких пушки; причем никаких доводов, кроме общих расплывчатых соображений, не приводилось. После некоторых возражений, недостаточно обоснованных с артиллерийской точки зрения, генкварверх телеграммой от 16 декабря за № 6 845 предложил выслать еще две 10" береговые пушки в Батум. Следует иметь в виду, что пушки для этой цели пришлось снять с Кронштадтских укреплений. Несмотря на значительные трудности, связанные с подобной работой, обе пушки были отправлены в Батум уже 25 декабря, т.е. через 9 дней после заседания Штаба главнокомандующего. На телеграмме, извещающей об этом исключительно блестящем по выполнению деле, лаконическая пометка: «Поздновато Д» (Данилилов) **.

* В.-И. А. Дело Штаба верховного главнокомандующего, № 715, лист 253.

** Батумские артиллеристы, устанавливая в начале февраля 1915 г. (при мне) 10-дм. пушки на открытой с моря батарее, так как ни башенных установок, ни даже маскированных не было, недоумевали, зачем присланы в Батум эти ценные орудия, которые могли стать легкой жертвой неприятельского флота. Впрочем, этого не случилось и насколько известно, в Батуме не сделали ни одного выстрела из 10-дм. орудий за всю войну. Не пришлось бы стрелять из этих орудий и в Кронштадте, но они очень нужны были в других местах нашего обширного фронта—Б.

В деле генкварверха № 715 (В.-И. А.), из которого заимствованы приведенные материалы и телеграммы, имеется немало других данных о высылке боеприпасов, о передаче австрийских пушек с Юго-западного фронта в 6-ю армию (в районе Петрограда) и т. д., свидетельствующих о нецелесообразной, бесплановой и в артиллерийском отношении даже безграмотной работе Ставки в 1914—1915 гг. по боевому снабжению действующих армий.

ПОРЯДОК ПИТАНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНЫМИ ПРИПАСАМИ.

Войска действующей армии выступили на войну, имея при себе положенный носимый и возимый комплект огнестрельных припасов полностью. Что же касается запаса огнеприпасов, положенного в местных парках, то все соображения мирного времени о порядке мобилизации и распределении местных парков были совершенно нарушены с первых же дней войны (см. том I «Снабжение огнеприпасами»). При этом взамен мобилизационного расписания местных парков, разработанного в мирное время, никакого нового, хотя бы ориентировочного плана о назначении и отправке местных парков на фронт составлено не было. ГАУ было предложено удовлетворять в экстренном порядке очередными готовыми парками требования главных начальников снабжений обоих фронтов (Юго-западного и Северо-западного) и трех отдельных армий (Петроградской, Одесской и Кавказской), отправляя местные парки в назначенные ими пункты.

На ГАУ со всех сторон посыпались массовые, никем не регулируемые требования, которые оно не успевало и не могло удовлетворять за отсутствием готовых и свободных от назначения парков. При создавшихся условиях никакой плановости в работе ГАУ не могло быть; готовые парки буквально расхватывались наспех и немедленно бросались на тот фронт, откуда шли более настойчивые вопли. Такая подача парков, без предварительного обдуманного плана и соглашения с Управлением военных сообщений ГУГШ, привела к серьезным дефектам в снабжении армии боевыми припасами в первый период войны 1914—1915 гг.

Для иллюстрации того беспорядка, какой царил по этой части на фронтах, ниже приводится выписка из рапорта полковника Гронова, специально командированного ГАУ на фронты с целью выяснить, что там творится с парками, посылаемыми прямо в адрес главных начальников снабжения, как это требовала Ставка в целях сохранения секрета, и, якобы, большего порядка в этом деле.

«В отношении снабжения войск боевыми припасами замечались на театре военных действий следующие недочеты:

При отправке на театр военных действий местные парки зачастую получали приказание по прибытии на место поступить в распоряжение генерала Забелина *.

Фактически, по прибытии на место, в Здолбуново, Казатин, генерала Забелина парк не находил и посылал ему телеграмму по месту

* Главначснаб Юго-западного фронта.

нахождения. В это время получалась телеграмма за подписью заведующего снабжением одной из действующих армий с требованием снарядов, а рядом телеграмма ген.-лейт. Голицына * с приказанием никому не отпускать снарядов без его распоряжения. Начальник парка недоумевал, как ему поступить. В результате отправка снарядов задерживалась, и зачастую снаряды зря катались по линии железной дороги.

Так, около 14 (27) сентября 1914 г. 15-й тяжелый местный парк прибыл на станцию Здолбуново. Была получена телеграмма от г.-м. Фельдта ** с требованием выслать в Львов два вагона снарядов. Исполнив требование и послав об этом телеграмму г.-л. Голицыну, командир парка получил от последнего приказание о возвращении посланных 2 вагонов, а через некоторое время от него же пришла телеграмма об отправке по тому же направлению 2 вагонов. Ввиду того, что возвращаемые 2 вагона еще не прибыли, во избежание задержки были отосланы новые 2 вагона в том же направлении.

Около 1 сентября 18-й мортирный местный парк прибыл из Кременчуга в Здолбуново. Ехал большой скоростью. Оси вагонов горели. По прибытии на станцию командир парка донес г.-л. Голицыну, простоял около 2 дней, получил приказание возвратиться в Казатин 3 сентября, в тот же день получил распоряжение ехать в Львов через Здолбуново; в результате парк 2 раза проехал расстояние от Казатина до Здолбунова.

21 сентября была получена телеграмма от г.-л. Похвиснева *** об отправке 53-го Кавказского местного парка из Казатина на станцию Молодечно. Так как парк состоял в распоряжении г.-л. Голицына, то требование г.-л. Похвиснева было сообщено первому, от которого была получена телеграмма не отправлять 53-го парка, и впоследствии телеграмма об отправке этого парка по назначению на станцию Молодечно была получена 24 сентября. В результате отправка парка задержалась на 3 дня.

У некоторых командиров парков была инструкция для расходования боевых припасов, которая фактически не выполнялась, так как заключала в себе ряд требований, не отвечающих требованиям войны.

Например, парк по прибытии на место, согласно инструкции, должен был выгрузить ящики со снарядами. Если бы это выполнялось и ящики со снарядами выгружались по прибытии в Казатин, Здолбуново и т. д., то отправка снарядов по первому требованию могла бы быть произведена только через несколько дней. По этой причине упомянутое требование инструкции не выполнялось. По прибытии к армии парк должен был передать свои снаряды армейскому парку ****, забрать пустые ящики с гильзами и возвращаться в место сформирования. Факти-

* Начартснаб Юго-западного фронта.

** Нэхо одной из армий Юго-западного фронта.

*** Начартснаб Северо-западного фронта.

**** Т.-е. подвижному артиллерийскому парку.

чески парк зачастую прибывал на место, где никакого армейского парка не было, выдавая снаряды прямо в войска и получая пустые ящики.

Ввиду того, что у всех парков была инструкция для их работы, а на месте, повидимому, не во всех армиях были на этот счет определенные указания, наблюдалось, особенно на станциях галицийских железных дорог, большое скопление ящиков с гильзами, у которых не было хозяина.

В частности, например, на станции Волочиск 24 сентября (7 октября) комендант просил указаний, как ему поступить с транспортом снарядных ящиков с гильзами, прибывших из Галиции без определенного назначения. На станции около Львова груды ящиков и гильз лежали без всякой охраны.

В это же время на складах империи нехватало ящиков для патронов, и некоторые парки, например, 66-й, прибыли с патронами в заводской укупорке на гвоздях, в которой колпаки трубок могли повреждаться при перевозке.

Параллельно с этим в Львове приходилось встречать командиров парков, которым были поручены специальные задачи, не относящиеся к снабжению армии, по сбору и сортировке отбитого у австрийцев оружия и амуниции; таков, например, командир 71-го местного легкого парка. прапорщик Мациевич, который, сказать кстати, валил в одну кучу подобранные с поля не разорвавшиеся снаряды вместе с новыми, нестреляными патронами».

Вот что заметил один человек во время кратковременного пребывания в тылу фронта, где он побывал только проездом. Можно же себе представить, какова была бы картина, если бы подробно обследовать все там творившееся. И, действительно, от разных начальствующих лиц поступало немало жалоб на тот беспорядок, который царил в этой области на фронте, и только благодушная Ставка ничего этого не замечала, считая, что тут ГАУ не о чем беспокоиться и что все будет сделано как следует распоряжениями главных начальников снабжения.

Все это, вместе взятое, да еще особенно в связи с новым Положением о полевом управлении войск, как снег на голову свалившимся уже после объявления войны и в корне разрушившим все прежние основы управления и снабжения армии, — все это неизбежным следствием имело ту путаницу и неразбериху, в которой очутились штабы и управления армии, с одной стороны, и довольствующие органы тыла — с другой. Как курьез, при этом можно отметить такой факт: на ряду с таким сверхновшеством, как Положение о полевом управлении, остался и такой анахронизм, как «Инструкция для местных артиллерийских парков» издания 1888 г. В свое время эта Инструкция, ввиду перевооружения полевой артиллерии новой скорострельной пушкой, была переработана и в новом виде представлена в ГУГШ, которое так до начала войны и не удосужилось рассмотреть и ввести ее в жизнь.

Здесь же приходится повторить, что подчинение военных округов пограничного пространства главным начальником снабжений отзывалось

неблагоприятно и на своевременности подачи местных парков на фронты. Эти начальники сочли себя полными хозяевами всего того, что хранилось в складах на территории этих округов; а между тем в составе этого имущества было такое, которое вовсе не принадлежало к запасам обслуживаемых ими армий, но составляло общие запасы военного ведомства. К числу таких предметов должны быть особенно отнесены запасы винтовок, патронов к ним и частей пушечных патронов, так как последние еще не были перевезены в те пункты, где им надлежало бы быть по организации 1910 г., вследствие отсутствия готовых помещений. Впоследствии потребовалось вмешательство Штаба главковерха, чтобы убедить начальника артиллерийских снабжений Северо-западного фронта в том, что излишние против табелей патроны, как лежащие в складах района, так и снаряжаемые вновь в питательном пункте в Двинске, не составляют собственности фронта и не могут расходоваться и отпускаться без распоряжения ГАУ. Подобные же недоразумения происходили, как упоминалось, и в районе 6-й армии, где начальник артиллерии однажды даже завладел чужими орудиями.

Это обстоятельство между прочим не позволило ГАУ своевременно вывезти из складов Виленского округа значительное количество дистанционных трубок, в которых ощущалась одно время крайняя нужда в других пунктах при снаряжении местных парков, а часть находившихся в этих складах патронов так и исчезла.

Наконец, представлявшееся в начале войны вполне нормальным самостоятельное предъявление требований к ГАУ со стороны пяти главных начальников снабжений (двух фронтов и трех отдельных армий), скоро было признано нецелесообразным и недопустимым, и Штаб главковерха сделал распоряжение, чтобы ни один парк не посылался в армию иначе, как по его непосредственному распоряжению и назначению, т. е. окончил тем, с чего следовало начать и на чем настаивало ГАУ.

После того дело снабжения армии огнеприпасами несколько улучшилось, но все же оно продолжало страдать крупными недочетами в течение 1914—1915 гг. войны ввиду полного отсутствия в главном командном центре, в Ставке главковерха, компетентного органа для ведения вопросами боевого питания армии. Вся эта важнейшая часть была, как какой-то несущественный придаток, приклеена к управлению дежурного генерала, в котором не было буквально ни одного человека, мало-мальски смыслившего в этом сложном деле. С громадными затруднениями удалось внедрить туда маленького (но очень знающего и способного) чина из ГАУ, капитана Старцева *, который скоро и овладел положением, но, конечно, крупно влиять на дело не мог.

А в то же время со стороны высшего командования наблюдалось стремление удовлетворять в одинаковой мере требования всех частей фронтов независимо от возложенных на них задач и других местных

* На внедрение более крупного чина ни за что не шел дежурный генерал, опасаясь, очевидно, утраты части своего влияния.

условий. Как будто руководствовались одним правилом: распределять боевые припасы возможно равномерно по всему фронту и затем считать их неотъемлемой собственностью получивших. И, конечно, труднее потом отбирать уже данное, чем своевременно попридержать в центральном пункте, в тылу, побольше запаса, чтобы потом двинуть его действительно нуждающимся.

Вообще достойно удивления, как плодотворнейшая идея «резервов», столь элементарно простая и неизменно во всем объеме применяемая во всех без исключения случаях войсковых операций, оказалась так жестоко игнорированной в столь важном деле, как боевое снабжение, где даже зачаточные ростки этой идеи — в виде предположенного зачисления 56 парков за военным министром * — были сразу же оборваны, как только начались серьезные бои на фронтах. И только после формирования управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Ставке этот вопрос об образовании резервов снабжения был поставлен на правильный путь.

Выше упоминалось (том I, «Снабжение огнеприпасами»), что по утвержденному военным министром 5 марта 1911 г. расписанию, половина из 112 легких местных парков не была расписана по армиям и должна была составить резерв военного министерства. К 26 августа 1914 г. в европейской России оставалось в распоряжении военного министерства 35 легких местных парков. ГАУ было предложено остаток этот направлять постепенно в действующую армию по требованиям главных начальников снабжений фронтов и армий; при этом Штаб главковерха упорно не желал считать этот остаток парков своим резервом и подтвердил ГАУ, что он находится «в распоряжении военного министерства, а не Штаба». Повидимому, Штаб главковерха в то время не придавал еще должного значения делу снабжения огнеприпасами, был уверен, что запасов ГАУ хватит, и не желал отвлекаться в своей оперативной работе вопросами боевого снабжения, хотя она в значительной мере зависела от удачного разрешения именно этих вопросов *. Штаб главковерха вскоре после начала войны принял на себя только дачу указаний ГАУ, на какие фронты высылать готовые местные парки; но при этом Штаб руководствовался не соображениями оперативного характера, а распределял парки или поровну между фронтами, или пропорционально количеству артиллерии, находящейся на том или ином фронте.

В июле 1915 г., судя по отчету ген.-инспарта об артснабжении Юго-западного фронта, на этом фронте установился следующий порядок питания огнестрельными припасами.

Подробных сведений о порядке огнепитания, принятом на других фронтах и в отдельных армиях, не имеется. Каждый фронт и отдельная армия, за отсутствием определенных указаний в Положении о полевом управлении, импровизировали свою систему огнепитания.

* Копия сношения генкварты с нач. ГАУ 21 августа 1914 г. № 178 с справками за подписью ген. Данилова и полк. Щолокова (в личном архиве А. А. Маниковского).

Но в общем принятые разные системы не слишком многим отличались друг от друга, и во всяком случае организация огнепитания на Юго-западном фронте являлась наиболее целесообразной.

Огнестрельные припасы на Юго-западном фронте подавались местными парками по указанию Штаба главковерха.

Ввиду крайне ограниченного количества подаваемых местных парков, главнокомандующий армиями Юго-западного фронта взял всецело в свои руки руководство снабжением огнестрельными припасами.

Он указывал, какой армии, когда и сколько дать. Это облегчало задачу начальника артснаб, который не мог удовлетворить иногда чрезмерных требований командующих армиями об отпуске огнестрельных припасов.

Местные парки, назначаемые главнокомандующим для армий, отправлялись в тыл армий, в пункты, указываемые командующими армиями.

Часть местных парков оставалась в распоряжении главнокомандующего в виде резервной группы и сосредоточивалась в такие железнодорожные узлы, из которых была возможна быстрая передача огнеприпасов той или иной армии. Местные парки содержались в окончательно снаряженном виде, погруженными в вагоны в готовности к отправлению.

Подача огнестрельных припасов из тылового района (из резервной группы) для пополнения израсходованных в армиях производилась по требованиям из армий, с разрешения главнокомандующего.

Ни в июле 1915 г., ни раньше, в начале войны, когда огнестрельных припасов было достаточно, местные парки, повидимому, не распределялись по армиям в соответствии с поставленными им боевыми задачами, а давались армиям или поровну, или пропорционально состоящему в них числу пистолетов и пушек, или сколько требовали сами армии.

Местные парки, переданные армиям, оставались в ведении командующих армиями, и только с их разрешения отпускались огнестрельные припасы в корпус; раньше, когда патронов было много, местные парки частью отдавались корпусам, сообразуясь с выполняемой ими задачей, частью оставались в армейском тылу, составляя резерв огнеприпасов армии.

В тылу каждой армии местные парки располагались погруженными в вагоны в узлах железных дорог (резерв армии) и на железнодорожных станциях, ближайших к корпусам.

Затем дальнейшая подача огнестрельных припасов из передовых местных парков в войска производилась по правилам «Наставления для действия полевой артиллерии в бою», изд. 1912 г., т.-е. от местных парков до головного эшелона подвижных парков средствами этих последних, а от головного парка эшелона к войскам — средствами войсковых частей. При значительном удалении от войск железнодорожной станции, на которой располагался передовой местный парк, подвоз огнеприпасов совершался по грунтовым дорогам особыми транспортом до какого-

нибудь промежуточного пункта, а от него уже средствами подвижных парков и затем войск. Так, например, в 8-й армии от Луцка боевые припасы подвозились транспортом (имеющим 900 повозок) 55 верст по грунтовой дороге до Горохова, где перегружались в зарядные ящики подвижных парков и доставлялись к войскам, до которых от Горохова около 35 верст.

Организация питания огнестрельными припасами, принятая в армиях Юго-западного фронта, не вызывала нареканий со стороны войск. Бойска, за редкими исключениями, получали огнестрельные припасы своевременно и вовсе без патронов не оставались, хотя имели их вообще мало.

Большая нужда в огнестрельных припасах сказалась в 9-й армии при наступлении к Кракову, когда все тыловые ее учреждения слишком отстали от армии. Приводили случай, когда после дневного боя у Козювки, в одной из горных батарей осталось всего лишь 60 патронов, но к другому дню патроны были подвезены.

Как будет сказано подробнее ниже, одной из главных причин недостатка пушечных патронов являлся чрезмерный расход в первые 4 месяца войны, поглотивший к концу 1914 г. почти весь положенный боевой комплект и запасы военного времени.

Что же касается обнаружившегося недостатка винтовочных 3-лин. патронов, то помимо громадного расхода их в последних боях 1915 г., когда стало мало пушечных патронов, причинами этого недостатка, насколько пришлось выяснить генерал-инспарту, служили еще следующие обстоятельства.

Солдатам в пехоте выдавали на руки по 200 и более патронов, вместо положенных 120 с тупой и 135 с остроконечной пулей; и без того крайне перегруженные ношей, солдаты на походе нередко бросали обременяющие их патроны, или просто теряли их.

Патроны с убитых и от раненых далеко не всегда отбирались.

Заботливые командиры полков старались иметь побольше патронов про запас. Они опорожняли полковые двуколки, сложив патроны в окопы или переложив в повозки обоза, посылали двуколки в парки и получали от них патроны. Когда же приходилось идти вперед или отступать, пехотные части, не имея свободных перевозочных средств, или просто оставляли не помещающиеся в двуколках и на людях патроны на месте, или в лучшем случае обращались с просьбой к соседним батареям или паркам взять у них лишние патроны, что далеко не всегда бывало возможно.

При крайне растянутых позициях, какие занимали в 1915 г. наши войска — до 40 и более верст на корпус по фронту, удаление головных парков от некоторых частей, расположенных в окопах, выходило весьма большим; поэтому начальники частей, опасаясь несвоевременной полочки от парков патронов, заблаговременно брали их из парков и складывали в окопах, при уходе же войск из окопов, патроны в них оставались.

По свидетельству многих участников войны, патроны находились в оставленных нами окопах иногда в «ужасающем количестве» *.

Нельзя не отметить эту совершенно недопустимую, перешедшую всякие границы и явно преступную расточительность в расшвыривании ружейных патронов на фронте. Иного выражения, как «расшвыривание», и подобрать нельзя для охарактеризования того безумного обращения с ружейными патронами, которое после первых же неудач на германском фронте стало наблюдаться в наших войсках. Из свидетельств участников, из донесений начальствующих лиц и из отчетов заведывавших артиллерийским снабжением, ярко обрисовывалась картина позорного распутства, допущенного в этом отношении командным составом, к тому времени, правда, очень ослабленным в своей кадровой части убылью убитыми и ранеными и сильно разбавленным разного рода скороспелыми пополнениями. Под впечатлением сокрушительного «завесного» огня, неизменно направляемого немцами в тыл наших позиций при каждой их атаке, у наших войск сложилось убеждение, что на своевременное пополнение патронов сквозь такие завесы, даже в ночное время по ходам сообщения, рассчитывать нельзя, а поэтому, де-мол, это надо делать заблаговременно и притом с возможным избытком. Поэтому загодя забивались патронами не только назначенные для этого ниши и погребки, но самые окопы, блиндажи и ходы сообщения; патроны кучами сваливались за окопами; наконец, из ящичков с патронами сооружались траверсы и даже целые бруствера. Нечего и говорить, что о какой-либо экономии (хотя бы только разумной и целесообразной) при самой стрельбе — уже не могло быть и речи, а чего стоила при таких условиях эта стрельба — больно и говорить.

При таком положении дела, естественно, всякое передвижение вызывало потерю всех этих патронных запасов, которые в случае отступления легко попадали в руки противника, в случаях же (редких) наступления оставлялись как были на тех же местах и или терялись здесь, или попадали в руки разных темных спекулянтов, которые чуть не в открытую торговали ими у нас или увозили их в неизвестные места для переправки потом нашим противникам.

Такой разврат естественно передался скоро с передовых позиций и в тыловые части фронта, и повсюду началось безумное мотовство ружейных патронов. На них уже не смотрели, как на драгоценную часть боевого оружия, а как на какой-то ненужный и часто обременительный хлам, который поэтому можно и не очень беречь, а при случае, например, при отступлении, и прямо бросить. Все протесты и обращения ГАУ по этому поводу к высшему командному составу армии и все грозные по этому поводу приказания из Ставки особого действия не имели.

А принятая потом мера — в виде назначения денежных премий за доставляемые патроны и гильзы, в расчете на поощрение к добросовест-

* Так, полевой генерал-инспектор артиллерии во время одной из своих поездок на фронт в 1916 году нашел на небольшом участке недавно оставленной позиции ок. 3 миллионов вполне исправных патронов.

ному сбору их, дали результаты неожиданные: начались хищения патронов из складов, парков, позиционных хранилищ и даже из своих запасов самими бойцами ради получения за них обещанных денег. Наконец, дошло до того, что патрон обратился в «денежную единицу» на прифронтовом рынке и предметы солдатского обихода, табак, папиросы, чай и т. п., наряду с деньгами, расценивались и покупались за известное количество «патронов...» *.

При таком положении дела трудно сказать, в каком размере должны были бы поступать пополнения патронов, чтобы удовлетворить эту ненасытную прорву. И, нисколько не желая оправдывать органы, на обязанности которых лежали заботы о снабжении армии, и признавая, что это снабжение было недостаточно, все же во имя справедливости следует отметить, что самый кризис в недостатке патронов не был бы столь болезненно-острым, если бы заботы о сбережении и регулирование расхода их не были бы так безнадежно выпущены из рук командным составом.

* См. приложение 15. „Сбор оружия на полях сражений 1914—1917 г.“